

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148

Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса

Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Россия, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69

В статье речь идет о современном состоянии гуманитарного научного дискурса и специфике его описания как сложного коммуникативного явления. На основе аналитического обзора систематизируются формируемые признаки ряда жанров гуманитарного научного дискурса: преобладание фатических высказываний над информативными, имитационность, десемантизация, для одного из признаков вводится термин «деинтеллектуализация», также устанавливается экстралингвистический характер условий их порождения. Для контекстуальной интерпретации языковых особенностей современного гуманитарного научного дискурса применялись социолингвистический анализ, основанный на методе корреляции социальных и языковых явлений, и прагмалингвистический анализ с учетом широкого «контекста ситуации». Трансформационные «социально-травмирующие» процессы современности повлияли и на сферу науки, научный дискурс (как и дискурс в целом) является социокультурно и темпорально обусловленным, что приводит к изменению соотношения его когнитивной и манипулятивной функций. Диссертация и автореферат диссертации как в значительной (а в последнее время только усиливающейся) степени формализованные жанры научного дискурса обладают признаком имитационности. Анализ показал, что исследователи отмечают в них «имитационный взрыв». Нивелирование негативных признаков научного гуманитарного дискурса, по мнению авторов, возможно при облигаторном изменении отношения социума в целом и профессионального, в частности, к его качественным (содержательным и формальным) параметрам и ответственности исследователя. Таким образом, формирование и стабилизация позитивных тенденций в совершенствовании научного дискурса и текста обусловлены экстралингвистически (социокультурно) в той же степени, что и собственно лингвистически. В перспективе необходимо постепенное формирование в социуме позитивного стереотипного представления о репутации субъекта научного дискурса, ответственности адресанта за порождаемый дискурс и текст.

Ключевые слова: научный дискурс, жанр, имитационность, информативность, фатика, гуманитарные науки

Imitation, Informational Value and Phatic Communication in the Genres of Academic Discourse

Lyudmila A. Brusenskaya, Ella G. Kulikova

Rostov State University of Economics
69 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-na Don, 344002, Russia

Abstract

The article deals with the current state of academic discourse in the sphere of social sciences and its description as a multifaceted communication phenomenon. The analysis allows the authors to classify the features of numerous academic genres and to define the extra-linguistic nature of their origin. The key

features include the prevalence of phatic utterances over informative ones, imitation, and desemantization, as well as deintellectualization as a new feature introduced by the authors. The contextual interpretation of the linguistic features of modern academic discourse in this study is based on its sociolinguistic analysis and employs the method of correlation of social and linguistic phenomena, as well as pragmalinguistic analysis encompassing a wide “context of the situation”. Transformational “socio-traumatic” processes of modernity have influenced the sphere of social sciences. Academic discourse (as well as discourse in general) is dependent on the social, cultural and temporal context, which triggers a change in the proportion of its cognitive and manipulative functions. Dissertations and dissertation synopses as predominantly and increasingly formalized genres of academic discourse display features of imitation. In such papers, researchers discover an ‘imitation explosion’. We argue that the leveling of negative signs in academic discourse can be achieved only if society changes its attitude towards professional discourses, especially concerning their form and content, as well as the researchers’ responsibility. Therefore, the possibility of improvement of academic discourse is determined by both linguistic and extralinguistic (socio-cultural) factors. It is essential that society gradually develops a positive reputation and responsibility of a scholar as a subject of academic discourse.

Keywords: *scientific discourse, genre, imitation, information value, phatic communication, humanities*

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В статье делается попытка осмыслить проблемы современного гуманитарного научного дискурса в связи с экстралингвистическими условиями их порождения, что требует аналитического обзора современного состояния исследований научного дискурса, а также определения существующих тенденций и уточнения набора его признаков. Описание объекта в этих параметрах и является целью данного исследования. Гуманитарный научный дискурс был избран как разновидность научного дискурса, в которой соответствующие признаки получают максимально эксплицитное выражение. Традиционное представление о сути научного творчества и научной коммуникации (Карасик 2016) как деятельности ради познания вступает в противоречие с современной практикой, прежде всего — с практикой реализации таких жанров научного дискурса, как квалификационные работы (причем даже самого высокого статуса — кандидатских и докторских диссертаций).

Исследования, посвященные научному дискурсу либо тем или иным его жанрам, рассматривают, как правило, обобщенные позитивные признаки дискурса. Именно эти признаки рассматриваются в традиционных формальных параметрах диссертации и автореферата как наиболее прозрачных жанров научного дискурса. При обсуждении этой проблемы проф. Г.Г. Хазагеровым была высказана идея о том, что причина кроется в следующем: стратегия «экзамена» в квалификационной работе и наиболее характерные приметы научного текста — точность, ясность и лаконичность (не препятствующая ясности) — противоречат друг другу, что порождает дисфункцию, которую можно обозначить как системное обесмысливание научного дискурса (Хазагеров 2010, 2013). Признавая справедливость и познавательную ценность этого наблюдения, полагаем, однако, что современное состояние науки как социального института и научного гуманитарного дискурса (с его «обесмысливанием») есть результат комплекса причин (включая широкий социальный контекст научной деятельности).

Поскольку университеты и вся система образования вынуждены пользоваться инструментами сертификации, отмеченный Г.Г. Хазагеровым «конфликт стратегий» является реальностью. Ужесточение формальных требований к тексту диссертаций или к процедуре защиты может породить лишь новый «имитационный взрыв». Г.Г. Хазагеров справедливо полагает, что деструкция научного стиля имеет причиной объективный конфликт стратегий сертификации и информирования (о научных достижениях). Признак, степень проявления которого позволяет оценивать качество научного дискурса, — информативность. Информативность — облигаторный и структурирующий элемент научного дискурса, однако степень проявления этой категории может существенно снижаться под влиянием различных экстра- и интралингвистических факторов. Можно предположить, что для современного научного дискурса, в первую очередь гуманитарного, характерна актуализация категорий имитационности и фатической составляющей дискурса, что в значительной мере определяет реализацию категорий информативности. Исследование этого аспекта является актуальным, должно привести к формированию нового научного знания об объекте.

2. СООТНОШЕНИЕ ИНФОРМАТИВНОСТИ И ФАТИКИ В ЖАНРАХ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Русский научный стиль в его современном облике сформировался к началу XX столетия. Одной из особенностей научного текста является научная достоверность, все научные факты, которые приводятся в тексте, имеют объективное подкрепление или в виде наблюдений и результатов эксперимента, или в виде ссылок на авторитетные научные источники. Чаще всего приводится такой перечень признаков (стилевых черт) научного текста: ясность, точность, логичность, сжатость, нейтральная экспрессивность, объективность, официальность, стандартность, неэмоциональность. Впрочем, еще Ш. Балли (1964: 154) отмечал, что научный язык лишь с большими оговорками может рассматриваться как отражение сугубо объективной, безличной деятельности разума, что «сугубо личный, эмоциональный элемент, несмотря ни на что, постоянно просачивается в выражение чистой мысли»; ср. также вполне справедливое указание на «скрытую эмоциональность», а также «логизированную оценочность», присущие научному стилю (Колесникова 2005: 77).

Важно отметить, что у «классиков жанра» приметам индивидуального научного стиля выступают как раз эмоционально и экспрессивно нагруженные единицы. Так, В.А. Звегинцев в свое время писал о «пещерном» материализме отечественных лингвистов, которые «мертвой хваткой» цепляются за языковые факты. Стиль учебников и монографий великого лингвиста и педагога М.В. Панова создают многочисленные вкрапления из других, ненаучных сфер. Термин «позиционный» он поясняет через прилагательное «подневольный», наречие, лишённое форм словоизменения, у него — «грамматический бобыль»; некоторые основы

у него бывают «привередливы» в своем избрании аффиксов. Ср. фрагмент монографии: «Фортунатов дал чисто грамматическое определение, а тут Щерба ему поперек: медведь, говорит, не потому существительное, что склоняется, а скорее наоборот: склоняется, потому что существительное. Показать, что эта мысль неверна, нетрудно: слова *окапи, кенгуру, Муму, очаровательная пони Мэри* не склоняются, но это не мешает им быть существительными. Однако меткость и острота в суждении Л.В. Щербы, несомненно, есть. В его возражении за фактической неверностью, как нередко у Щербы, скрыта содержательная мысль» (Панов 1999: 115). И далее, на протяжении главы, М.В. Панов не раз вспоминает «медведя Щербы»: «Но медведь Щербы бродит. Приходится с ним считаться» (1999: 117); «Итак, медведь Щербы ушел» (1999: 118) — это когда показано, что можно без оговорок считать части речи грамматическими классами. Стиль же современных научных текстов все больше и больше стандартизируется.

Классические признаки хорошей речи вообще (ясность, точность, доказательность) выдвигаются в научном стиле на первый план. Однако с конца XX в. обозначился кризис в сфере социально-гуманитарных наук. Многие исследователи отмечают процесс деинтеллектуализации, банализации и одновременно детеоретизации современной гуманитаристики. «Социально-гуманитарному знанию перестали доверять: оно стало слишком ангажированным, чтобы казаться истинным или хотя бы правдивым» (Лубский 2011: 58). Что касается работ филологического направления, то кризис проявляется, прежде всего, в бесконечном тиражировании хорошо известных положений, в смысловой бессодержательности, манипулятивности и даже в ставших обычными нарушениях логических связей.

Специфика коммуникации в любой сфере (Понтон, Ларина 2016; Alba-Juez 2016; Yus 2017; Alba-Juez & Larina 2018; Arévalo 2018), в том числе и научной, определяется в рамках противопоставления информативности и фатика. Критериями информативности являются небанальность, релевантность и адекватность подачи материала. Фатика — антипод информативности. Фатика, со свойственной ей банальностью содержания и отсутствием новизны, коррелирует с ритуальной коммуникацией, это разговор ни о чем, в предельных случаях — это «сотрясение воздуха».

Естественно, что никакая коммуникация не может быть экспликацией единственной функции (Волкова, Панченко 2016; Клушина 2016). Назначение высказывания (Горностаева 2016; Dementyev 2016; Kecskes 2016; Красина 2016; Ponton 2016) осуществляется в виде различного иерархического соотношения элементов различных функций, а доминирующая функция определяет словесный состав высказывания. Научную коммуникацию характеризует не просто информирование, но и критическая оценка идей, дискуссия, полемика, причем эти составляющие в различных жанрах находятся в разном соотношении, что и является целостной реализацией категории информативности. Однако сегодня обращает внимание на себя жанровое однообразие научных изданий — они содержат

небольшое количество научных рецензий (а те, которые публикуются, содержат только хвалебную часть, дискуссионные же моменты, как правило, отсутствуют (как будто забыто, что «символ научной веры» — это изначальная готовность к рациональной критике), мало остро полемических статей).

Конечно, многое зависит от фактора адресата: для читателей популярного издания важно общее представление о рецензируемом труде, отсюда элементы реферативного обзора, а для специалистов важнее именно оценка. Но вообще «потребность автора в оппонентах, согласных (в духе «принципа сочувствия» С.В. Мейена) рассмотреть „здание, которое он построил“, оказывается одной из насущных» (Григорьев 2007: 138).

Высокая степень интертекстуальности (поскольку научный текст ретроспективно и проспективно связан со многими другими текстами) всегда была присуща научному дискурсу. Интертекстуальность, на наш взгляд, усиливает информативность текста. При этом одним из типичных средств реализации и той и другой категории являются цитаты. Однако современные диссертации по цитатности и тому, как цитаты включаются в текст (цитирование дословное, редуцированное или аллюзивное), близки к постмодернистскому дискурсу (хотя в руководствах для пишущих диссертации приводятся ограничения на цитатный материал). Цитация, принятая в научном стиле, опирается на традицию (обязательны история вопроса, пояснения относительно степени разработанности темы, а также ссылки на исследования предшественников).

Но цитаты, ссылки на работы предшественников — это не только способ вписать собственные идеи в научный контекст, но и средство содержательного обоснования этих идей. Другое дело, что у одних авторов с помощью этой традиционной части организуется сложный содержательный научный текст, у других же нагромождение цитат, по сути, подменяет авторскую концепцию. Часто цитирование превращается в «отклоняющийся дискурс» (Кротков 2014). Такого рода цитирование приводит к снижению информативности и росту имитационности в научном дискурсе. Возможно даже создание текстов, которые могут быть названы имитационными. Такого рода тексты как результат научного дискурса представляют собой периферийное явление для всех его разновидностей, включая и научно-популярный дискурс в силу существенного убывания информативности и соответствия лишь внешним формальным структурным признакам. Привычка копировать чужие мысли представляет наибольшую опасность как для научной этики, так и для науки в целом, а в отношении творчества копирование совершенно бесперспективно.

По мнению исследователей, сегодня сходные фрагменты «истории вопроса» беспрепятственно кочуют из одной диссертационной работы в другую, причем никак не влияют на основное содержание — на решение проблемы, которой посвящено исследование (Хазагеров 2010). Ср. также: «Избыток справочного аппарата в тексте компенсируется пропорциональным уменьшением доли мышле-

ния. Более того: у массы гуманитарных ученых школа отбивает умение мыслить самостоятельно, атрофируя само представление о самостоятельном мышлении» (Веллер 2010).

Нередко, цитируя, авторы нарушают этические правила научной вежливости, которые важны для понимания того, что подразумевал автор цитируемого высказывания и какой пользовался системой понятий, а также терминологией. Используя цитату, цитирующий выполняет ответственную функцию — он становится интерпретатором, который может также детализировать сказанное, развивать идеи и мысли, привлекая новый эмпирический материал. Но нарушением этико-лингвистических норм будет привлечение любой ценой цитируемого автора на «свою сторону», использование цитаты для аргументации позиции, которую не принимал цитируемый автор (Marlangeon 2018).

Вообще культура и этика научного цитирования — это отдельная большая проблема, требующая специального исследования. Интернет и накопленный багаж научной информации, всеобщая компьютеризация науки предоставляют безграничные возможности для злоупотреблений. Действующая система «Антиплагиат» способна противодействовать только прямым и грубым формам плагиата, но бессильна против наиболее распространенной формы неэтичных заимствований — компиляции (недаром Интернет пестрит предложениями за 500 рублей довести процент оригинальности научного труда до 98%, причем без изменения содержания обрабатываемого текста). Н.В. Брагинская замечает, что вообще эта система, когда диссертант должен «самообьскаться», оскорбительна (2015).

Наличие большого количества цитируемого материала (естественно, введенного с соблюдением этических норм) само по себе ни хорошо, ни плохо. С одной стороны, цитирование в декоративных целях, «узоры из цитат» (М. Веллер), вызывают справедливое неприятие — особенно если этими «узорами» все и исчерпывается. А с другой стороны, ср. как, например, Е.В. Падучева охарактеризовала одно из свойств творческой манеры Анны Вежбицкой: «В лингвистической концепции Вежбицкой удивительным образом сочетаются новаторство и традиционность. Ссылка на традицию увеличивает ценность информации, получаемой читателем: он не просто останавливается, пораженный блестящей идеей, а заодно узнает, что думали по этому поводу Фома Аквинский, Лейбниц, Гумбольдт, Локк, грамматики Пор-Рояля, в крайнем случае — Витгенштейн или Остин.

Цитировать любят все. Люди цитируют, чтобы продемонстрировать свою эрудицию; чтобы приобщиться к авторитету; и, наконец, потому, что авторитет говорит ровно то, что нужно цитирующему. Вежбицкая цитирует всегда только потому, что великие лингвисты, логики, философы и психологи, как будто сговорившись, подтверждают те положения, которые она собирается отстаивать. Впрочем, полемическим стилем Вежбицкая тоже владеет в совершенстве» (Падучева 1997: 27—28).

Кризис научного дискурса наиболее отчетливо проявляется в определенных жанрах. Перечень жанров научного дискурса достаточно стабилен: научная статья, диссертация, монография, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, автореферат диссертации, научно-технический отчет, аннотация, тезисы доклада на конференции и, с известными оговорками, вузовские учебники. Устные жанры менее четкие, чем письменные: выступление на конференции меняется в зависимости от сопутствующих условий (существуют различия между пленарным докладом и секционным выступлением, комментарием или выступлением на заседании круглого стола).

В трудах Г.Г. Хазагерова (2010; 2013) была высказана мысль о том, что в таких жанрах научного дискурса, как диссертация и автореферат диссертации, наблюдается отчетливая тенденция к сокращению компонентов, которые реферируют к научным реалиям. Эти жанры характеризуются дисфункцией, которая даже может быть названа «обесмысливанием научного дискурса». Суть этого явления и факторы, его порождающие, видятся Г.Г. Хазагерovu следующим образом. Научный дискурс формируется как наиболее удобное пространство для обсуждения научных проблем (отсюда стремление к точности, доказательности) и для сертификации ученых — присвоения ученых степеней и званий. Но эти две цели, традиционно согласованные, по мысли Г.Г. Хазагерова, могут, однако, входить в противоречие между собой. Достижение второй цели — сертификации — напоминает ситуацию экзамена. Но на экзамене демонстрируются не результаты исследования, а осведомленность. И научный дискурс, осложненный «экзаменационно-познавательным синкретизмом», приобретает черты дисфункции. Для ознакомления с результатами исследования востребована краткость (конечно, не в ущерб ясности). Именно краткость позволит быстро вычлнить главное и новое, облегчит информационный поиск и следование за ходом мысли. А для «экзамена» актуальнее многословие, которое не продиктовано потребностью объяснения (ср. обычное в ситуации экзамена: «Дайте развернутый ответ»). Многословие в ситуации экзамена (Akimoto *et al.* 2014) позволяет продемонстрировать эрудицию, широту интересов, системность знаний. То есть доказывается в ситуации экзамена не идея, а состоятельность экзаменуемого.

Именно нацеленность на сертификацию порождает то, что Г.Г. Хазагерov именует «научным спамом». Поставщиками «научного спама» являются топосы «род и вид», «пример», «определение» — в том случае, если с этими топосами не проводится никакой дальнейшей работы: так или иначе будет определен попутный объект, для сути работы значения не имеет, однако такими приемами создается требуемый объем (по мысли Г.Г. Хазагерова, всякий нижний предел для объема научного текста вообще неправилен, и с этим трудно не согласиться). Многословием удачно (для автора) камуфлируется научная банальность.

О том же (но средствами публицистического языка) с иронией говорит писатель М. Веллер: «...научный стиль превращается в ребус. <...> Процесс чтения перестает напоминать езду по гладкому шоссе и напоминает ориентирование

в лесу, когда карта помята и условные значки расплываются и часто неразборчивы. Зато сразу видно, что стиль научный. <...> Стиль густ и вязок для потребления. Не для дурачков писано, не для дилетантов. Для подготовленных специалистов, людей умных. И здесь кроется под ковром спецязыка спецловушка. А в спецловушке часто сидит голый король». И далее: «Умная сущность заменяется умной формой — при минимуме или вовсе отсутствии принципиально новой сущностно сложной информации. Сложность формы оттягивает на себя мозговое усилие с сути, и это стянутое одеяло оставляет суть озябшей, маленькой и полудохлой» (М. Веллер «Человек в системе»).

Итак, научный дискурс, особенно в жанрах диссертации и автореферата, все более «дрейфует» в сторону фатического общения (в его противопоставлении общению информативному). Не отрицая, что фатическая составляющая необходима в научной коммуникации (как и в любой другой), считаем возможным отметить, что степень представленности фатики в жанрах научного дискурса различна: в большей степени такая составляющая необходима и допустима в устной разновидности научного выступления, а также в научно-популярной разновидности дискурса. В остальных жанрах, на наш взгляд, можно говорить о допустимости сопутствующей фатической функции разных структурных элементов текста. Избыточность фатической составляющей научного дискурса закономерно приводит к уменьшению информативности. Текст современной диссертации не столько репрезентирует научные идеи, сколько самое себя, то есть нарастает автономичность речи. В ситуации с экзаменом демонстрация знаний научной идиоматики является ключевым: оно свидетельствует о том, что соискатель «находится в теме». А ввиду того, что в определенных областях научного знания идиоматика достаточно бурно развивается, отражая смену научных школ и научных парадигм, то знание идиоматики является индикатором еще и того, что соискатель ученой степени следит за развитием научной мысли, не отстает от жизни и следует научной моде. Потому закономерно, что собственно злоупотребление модными научными идиомами и является наиболее яркой чертой, отличающей имитационную научную речь.

Важно подчеркнуть, что многие из отмеченных процессов, в частности «тенденция к нарастанию «научного спама», видятся исследователям как объективные. Эта тенденция, пишет Г.Г. Хазагеров, не определяется полностью научной недобросовестностью диссертанта или диссертационного совета, поскольку решение задачи «экзамена» имеет «развитые институциональные формы и поддерживается научным сообществом» (Хазагеров 2013: 129—133).

Однако то, что Г.Г. Хазагеров называет «экзаменационно-познавательной синкретичностью» научного дискурса, было всегда характерно для таких жанров, как диссертация и автореферат, а «научный спам» стал настоящим бедствием только в последние годы. Очевидно, причина не только в самой «синкретичности», но во многих обстоятельствах бытия научного сообщества.

Заметим, что сходные процессы — утрата жанрообразующих черт и обесмысливание — наблюдаются и в иных сферах. Так, Т. Москвина (2009) убедил-

тельно пишет об «обесмысливании» современного кинематографа, причем тоже — как о процессе объективном. Анализируя «9 роту» Ф. Бондарчука, она пишет, что с точки зрения «искусства кино» это отвратительный фильм — «с непрописанной, пунктирной, невнятной историей, где драматургия подменена эффектами», а с точки зрения «кинематографического дизайна» — все в порядке. «Это происходит не потому, что Федор Бондарчук глуп, бездарен или чего-то не знает или не понимает». Напротив: «Федор Бондарчук умен, талантлив по-своему и знает и понимает многое. Поменялись боги кино, вот в чем дело — поменялись или вовсе погибли. Теперь перед нами совсем другое искусство, которое просто называется так же». Вывод Т. Москвиной: «В нынешнем массовом кинематографическом дизайне именно область смысла табуирована категорически. В дизайне нет смысла, в нем есть воля и стиль, но не смысл. Поэтому зритель «9 роты» ничего не узнает (Т. Москвина «Мужская тетрадь») о том, на какую войну попали герои и почему».

Стилевой доминантой языка науки всегда считалась логичность, причем это диктовалось не только коммуникативными соображениями, но прежде всего — сущностью научной деятельности. Однако в последнее время «мутирует» само представление о логичности в научном дискурсе. Логичность не всегда определяет опора на соотношение речи и мышления (Goddard 2014; Hinner 2017; Mackenzie 2018), речи и действительности: логичность рассматривается как соразмерность, связность и последовательность в изложении материала. То есть утрачивается связь собственно с логикой (в прямом значении этого слова) — с законами логики, правильным делением понятий и др. Недаром с логичностью текста соединяется такой его аспект, как композиция: «Логичность на уровне целого текста связана с его композицией и предполагает деление текста на пропорциональные части и обдуманную последовательность этих частей с обозначением перехода от одного смыслового отрезка к другому» (Культура русской речи 2007: 310).

Но собственно с логикой композиция связана лишь опосредованно: логичный текст может воплощаться и не в самой удачной композиции (из-за неудачной композиции он не утратит логичности). То есть трактовка логичности как коммуникативного качества речи постепенно расширяется, вбирая в себя свойства текста, которые не связаны с соблюдением законов логики напрямую. Например, в средствах выражения связности текста принято видеть одно из проявлений логичности: «Особую роль в построении логичного текста играют средства внутрифразовой и межфразовой связи (средства связности): лексические (повторы, синонимические замены, антонимы, слова со значением «части и целого»), морфологические (местоимения 3-го лица, указательные местоимения и наречия, наречия времени, порядковые и количественные числительные, предлоги *в, к, на, от, по*; в отношении и др., союзы *и, а, но, не... а ..., однако; будто, если, чтобы, хотя, так как, потому что*, частицы *ведь, вот и, же, ли*); синтаксические средства (вводные слова и словосочетания, единство видо-временных форм глаголов-сказуемых, вопросительные и восклицательные предложения)» (Стилистический энциклопедический словарь 2006: 212). Однако очевидно, что сами по себе эти единицы и категории (которые, конечно, могут эксплицировать логичность) логичности не обеспечивают.

Логичность тесно связана с таким коммуникативным качеством речи, как ясность. Как пишет Л.П. Лунева, «неясная речь не может быть логичной» (Лунева 2006: 213). Четкое разграничение и противопоставление понятий, последовательность в изложении материала, четкость в демонстрации связей между аргументами и тезисом — все это повышает ясность речи, потому справедливо утверждение о том, что ясность является одним из основных эффектов логичности текста.

В работе М.А. Глушко (2015) логичность анализируется как одна из форм (разновидностей) ясности, отличающая определенные функциональные стили, прежде всего научный и официально-деловой. Однако, как показало исследование М.А. Глушко, у многих научных статей отсутствует именно логичность. Их отличает противоречивость, которая возникает вследствие того, что в логическом смысле одному и тому же субъекту приписываются противоположные по смыслу предикаты. К противоречивости приводит подмена важного тезиса или любой мысли, а также употребление слова в ином смысле. Вообще для «научных» статей стало обычным делом и потеря тезиса, и потеря аргумента.

Как пишет М.А. Глушко, нарушение логичности (то есть несоответствие логике — закону достаточного основания, исключенного третьего, закону тождества) в современных статьях, претендующих на научность, — массовое явление: в 400 проанализированных статьях выявлено 729 контекстов, иллюстрирующих различные типы логических ошибок (Глушко 2015: 5).

Вообще гуманитарные исследования нередко являют собой своеобразный «порочный круг», когда с самого начала автор исходит из того, к чему должен прийти в результате анализа. Логичность как признак научного дискурса неразрывно связана с информативностью и обеспечивает актуализацию этой категории как в научном дискурсе, так и в тексте. Таким образом, нарушение логичности в гуманитарном научном дискурсе приводит к уменьшению степени представленности категории информативности.

3. ИМИТАЦИОННОСТЬ И ДРЕЙФ К ФАТИКЕ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Трансформационные «социально-травмирующие» процессы современности повлияли и на сферу науки, так что она изменила и свои интенции, и средства достижения результатов. В статье И.В. Тумайкина «Риски имитационности в российской науке» доказывается, что попытки жесткого руководства наукой приводят только к взрыву имитационной активности: «Институциональная и бюрократическая ловушка, в которой оказываются современные российские ученые, имеет два выхода. Первым выходом, эмиграцией в чужую страну, воспользовались многие ученые в 90-е и начале 2000-х. Оставшиеся вынуждены использовать второй выход — имитацию бурной научной деятельности... с написанием бессодержательных статей-пустышек в многочисленные журналы, организованные коммерческими структурами...» (Тумайкин 2016: 147). Научная деятельность все чаще осуществляется не из внутренней потребности решать какую-либо познавательную проблему, а для соответствия критериям рейтингов.

Для всех сфер интеллектуальной жизни и для науки в частности характерна утрата такой категории, как репутация. Отсюда — снисходительное отношение к пустопорожнему наукообразию, нарочито «темному» языку. Язык гуманитарных наук утратил прозрачность. Это и многое другое действительно сдвигают научный дискурс в сторону «имитационной деятельности». Как остроумно замечает Г.Г. Хазагеров, чем менее содержательны работы последних лет, тем более популярны в них дериваты от слова «когнитивный», и чем больше стандартных решений и шаблонных утверждений, тем популярнее наименование «креативный» (Хазагеров 2010).

Вектор научной коммуникации переходит от решения собственно научных задач в области, далекие от собственно науки, такие как удовлетворение статусно-ориентированных потребностей или соответствие формальным критериям эффективности научной деятельности. А в связи с коммерциализацией всех сфер общественной жизни наметилась и еще одна тенденция: научный дискурс, который традиционно был занят порождением объективно-истинного знания, все более тяготеет к рекламно-презентационным дискурсам, определяющая интенция которых состоит в получении доступа к грантам (Кротков 2014).

Сегодня справедливо говорят о том, что, подобно поп-звездам, появились и поп-ученые с присущей поп-звезде атрибутикой. Мнения таких поп-ученых (обоснованные иногда их собственными научными результатами, а чаще всего — не обоснованные никак) стали ходовым рекламным товаром. Технологизированной науке остро необходим массовый потребитель, а значит — необходимо формирование массовых потребностей в новых наукоемких товарах. Выяснилось, что финансирование персонифицированной научной рекламы или «научных страшилок» гораздо эффективнее, чем вложение денег в получение нового научного знания. Внешние обстоятельства (рыночные отношения) сегодня детерминируют научную продукцию: востребуемыми, в первую очередь, оказались не фундаментальные знания, не творческий потенциал и оригинальные идеи, а умение «подать товар лицом» и найти такие формулировки, которые будут эффективно рекламировать этот товар (Миронов 2008: 310).

Имитационная научная деятельность очень трепетно относится к «феномену моды» в полном объеме с присущими ему «негативными симптомами»: посредством немотивированных английских заимствований, частотность употребления которых позволяет компенсировать нечеткость семантики, умело создается впечатление следования современности. Часто отмечается, что за злоупотреблением иноязычиями в терминологии маскируется отсутствие самостоятельности мышления, усвоение истины извне, без критического анализа, пустота речи, скрывающаяся за броским, порой недоступным для декодирования «фасадом». Терминологические заимствования являются маркером инкорпорированности адресанта в дискурсивное профессиональное пространство. И. Куликова и Д. Салмина (2002: 145) отмечают, что им доводилось «сталкиваться со случаями использования термина *дискурс* «для красоты» — по откровенному признанию самих студентов, употребивших этот термин. Ср.:

Эффектное слово «дискурс» часто становится предметом квазинаучных спекуляций. Это заметил чуткий к веяниям времени писатель Виктор Пелевин. В романе

«Амфир В» есть такой едкий пассаж: «Я часто слышал термины „гламур“ и „дискурс“, но представлял их значения смутно: считал, что „дискурс“ — это что-то умное и непонятное, а „гламур“ — шикарное и дорогое. Еще эти слова казались мне похожими на названия тюремных карточных игр. Как выяснилось, последнее было довольно близко к истине».

Остроумно. Но как бы то ни было, мода на слово «дискурс» не проходит (Новиков 2008: 44).

Терминологические англицизмы — денотативные заимствования, которые, по мысли М.Н. Эпштейна (2006), передают позитивную прагматику. В качестве знака языка науки, являющегося особой когнитивной репрезентацией, термин конструирует не только ту реальность, которую исследует автор, но и особенности его мышления. Но он же бывает и знаком имитационности.

Манипуляция в научном дискурсе принимает особые формы. Это, например, жанровый «подлог», когда авторы «льстят» себе: хрестоматия выдается за монографию, а монографией называется реферативный труд объемом в 60—70 страниц; небольшой словник именуется словарем и т.п. Ср. название реальной монографии: «Общее языкознание. Собираемые существительные в славянских языках». Ясно, что может быть либо «Общее языкознание», либо только «Собираемые существительные», и придавать таким образом больший вес и обобщающую значимость исследованию частного вопроса — это манипулятивный прием.

Как пишет Н.В. Брагинская, в гуманитарных науках сегодня море вторичной и третичной продукции, состоящей из пересказов; ценность научного результата насколько размыта, что прямое заимствование уже не слишком отличается от «оригинального жеваного мочала» (2014).

Обилие публикационной халтуры, пустоговорение, десемантизация, граничащая с обесмысливанием языка науки, — все это делает возможным троллинг научного дискурса — фейковые статьи, которые оказываются даже в рецензируемых журналах из списка ВАК. Как пишет Н.Н. Панченко (2015: 109), это достаточно распространенное явление: в период с 2008 по 2013 гг. из архивов было удалено более 120 фейковых статей.

Результаты аналитического обзора исследований научного дискурса нашли подтверждение в языковом материале, были верифицированы анализом текстов диссертаций и авторефератов, размещенных в свободном доступе на сайтах РГБ (<https://www.rsl.ru/>) и *dissercat* (<https://yandex.ru/yandsearch?&clid=2186621&text=dissercat&lr=39>), защищенных за последние 2 года по гуманитарным наукам (культурология, социология, политология).

Современный гуманитарный научный дискурс, таким образом, характеризуется исследователями как положительно, так и отрицательно. Однако специфика научного дискурса как объекта, на наш взгляд, дает возможность рассматривать его как амбивалентный феномен, исходно не допускающий полярных оценок. Такое рассмотрение делает необходимым определение набора негативных критериев научного дискурса, так как позитивные уже сформированы, стабилизированы и закреплены в филологической традиции описания. Анализ существующего состояния проблемы позволяет сделать вывод о наличии следующих критериев,

которые могут рассматриваться как негативные: нелогичность, манипулятивность, имитационность, фатическая избыточность, неинформативность. Однако, на наш взгляд, эти критерии недостаточно систематизированы. На основе проведенного анализа точек зрения на специфику гуманитарного научного дискурса, в частности гуманитарного, предлагаем рассматривать негативные признаки дискурса как иерархическую систему, так как отдельные признаки являются категоричными и позволяют не рассматривать объект как собственно научный дискурс (нелогичность, неинформативность), а другие — позволяют квалифицировать определенные качественные признаки научного дискурса. Эти признаки также могут рассматриваться как элементы двух рангов, собственно негативные и определяющие какой-либо научный текст в целом (имитационность, фатика), а также элементы второго ранга, которые, по нашему мнению, являются амбивалентными и определяют какие-либо части текста/дискурса (манипулятивность). Ряды элементов обоих рангов не являются закрытыми: выявление таких признаков должно стать задачей специальных исследований. Кроме того, структурирование и систематизация критериев оценки научного дискурса требует перехода на новый уровень абстракции. Обобщенно все негативные признаки, оценивающие дискурс, могут быть представлены в понятии «деинтеллектуализация». Введение этого термина позволит представить систему признаков дискурса оппозитивно. Представляется возможным на первом этапе исследования рассматривать бинарную оппозицию «информативность — деинтеллектуализация», так как информативность — это категория высокого уровня абстракции, включающая ряд значимых признаков дискурса и получающая реализацию в формально выраженных и закрепленных характеристиках научного дискурса (актуальность, научная новизна и т.д.).

Таким образом, оценка научного дискурса, в первую очередь гуманитарного, по степени проявления каждого из элементов оппозиции будет более адекватной, что с течением времени может привести к качественным изменениям этого дискурса. Этот же процесс может поддерживаться и экстралингвистически: за счет интенционального создания стереотипного представления о значимости позитивной репутации субъекта научного дискурса, его ответственности за формируемый дискурс и текст.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Движение познания к содержательно-истинным результатам отражается в научном дискурсе, который несет на себе печать времени и социальных условий. Современный научный дискурс сегодня демонстрирует «угнетение» своей важнейшей функции — когнитивной, в то время как манипулятивная составляющая оказывается весьма существенной. Такой вывод может быть сделан на основе анализа предлагаемой нами бинарной оппозиции «информативность — деинтеллектуализация», элементы которой представляют собой полярную реализацию именно дискурсивно обусловленных когниций. Поскольку университеты и вся система образования вынуждены пользоваться инструментами сертификации, «конфликт стратегий», отмечаемый исследователями, остается реальностью.

Поэтому логично предположить, что, помимо означенного конфликта, действуют иные, скорее всего — внешние (экстралингвистические) факторы. Мы же подчеркиваем, что этот конфликт имел место всегда при подготовке диссертационных работ, но он более или менее успешно разрешался и, уж конечно, не сопровождался таким взрывом имитационности в научных (точнее — псевдонаучных) текстах.

Ужесточение формальных требований к тексту диссертаций или к процедуре защиты может породить лишь новый «имитационный взрыв». Вся надежда только на восстановление института репутаций, на честность адресанта, на то, что человек, выбравший делом своей жизни науку, самым углубленным занятием этой наукой будет воспитан так, что имитационность и манипулирования станут для него органически неприемлемыми.

Перспективы исследования состоят в дальнейшем анализе отдельных жанров научного дискурса, обобщении результатов такого исследования, уточнении критериев оценки качества научного дискурса. Такое исследование может проводиться на материалах дискурсов в рамках одной или нескольких лингвокультур.

© Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова, 2019

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-012-00085.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балли Ш. Французская стилистика. Пер. с франц. М.: Изд-во иностранной литературы, 1964. 415 с. [Balli SH. (1964). *Francuzskaya stilistika (French Stylistics. Per. s franc.* 415 p. (In Russ.)]
- Брагинская Н.В. Мафия и школа // Социологическое обозрение, 2014. Т. 13. № 3. С. 208—218 [Braginskaya N.V. (2014). *Mafiya i shkola (Mafia and school) // Sociologicheskoe obozrenie.* Т. 13, 3, 208—218 (In Russ.)]
- Веллер М. Человек в системе. М.: АСТ «Астрель», 2010. 573 с. [Veller M. (2010). *Chelovek v sisteme (Man in system).* М.: AST «Astrel'». 573 p. (In Russ.)]
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 161—178 [Volkova Ya.A., Panchenko N.N. (2016) *Destruktivnost' v politicheskom diskurse (Destructiveness in political discourse).* *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika.* 20 (4), 161—178 (In Russ.)]
- Глушко М.А. Логичность речи: критерии оценки (на примере текстов научного дискурса). Ростов н/Д, 2015. 168 с. [Glushko M.A. (2015). *Logichnost' rechi: kriterii ocenki (na primere tekstov nauchnogo diskursa (Logic of the speech: the evaluation criteria (on the example of texts of scientific discourse).* Rostov n/D. 168 p. (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Американский политический дискурс: ирония в предвыборной кампании 2016 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 179—196. [Gornostaeva A.A. (2016). *American political discourse: irony in the election campaign of 2016.* *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics.* 20 (4), 179—196 (In Russ.)]

- Григорьев В.П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 138—150 [Grigor'ev V.P. (2007). Koe-что o stilevoj politike (Something about the style policy) *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysina* / Отв. red. Е.А. Zemskaya, М.Л. Kalenchuk. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 138—150 (In Russ.)]
- Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 56-77. [Karasik V.I. (2016). The discursive manifestation of personality. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 20 (4). 56—77 (In Russ.)]
- Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиакommunikации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 78—90 [Klushina N.I. (2016). Discourse analysis and stylistics: an integrative research methods of communication. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*. 20 (4), 78—90 (In Russ.)]
- Колесникова Н.И. Теоретические и методические проблемы развития научной речи студентов и аспирантов // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. К 80-летию проф. М.Н. Кожиной. Материалы Международной конференции. Пермь: ПГУ, 2005. С. 76—80 [Kolesnikova N.I. (2005). Teoreticheskie i metodicheskie problemy razvitiya nauchnoj rechi studentov i aspirantov (Theoretical and methodological problems of development of scientific language students and graduate students) *Problemy funkcionirovaniya yazyka v raznyh sferah rechevoj kommunikacii. K 80-letiyu prof. M.N. Kozhinoj. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Perm': PGU*, ss. 76—80 (In Russ.)]
- Кротков Е. Научный дискурс: философско-методологический анализ // *Credo New*, 2014, № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k3-2014/25369-nauchnyy-diskurs-filosofsko-metodologicheskij-analiz.html (дата обращения 23.12.2017) [Krotkov E. (2014). Nauchnyj diskurs: filosofsko-metodologicheskij analiz (Scientific discourse: philosophical and methodological analysis) *Credo New*, 3 (In Russ.)]
- Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 91—102 [Krasina E.A. (2016). Discourse, statement and speech act. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*. 20 (4), 91—102 (In Russ.)]
- Куликова И., Салмина Д. Введение в металингвистику. Лингвистическая терминология в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб.: САГА, 2002. 351 с. [Kulikova I., Salmiina D. (2002). Vvedenie v metalingvistiku. Lingvisticheskaya terminologiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte (Introduction to metalinguistics. Linguistic terminology in communicatively-pragmatic aspect) *Saint Petersburg: SAGA*. 351 p. (In Russ.)]
- Лубский А.В. Научность социально-гуманитарного исследования как эпистемологическая проблема // Гуманитарный ежегодник. 10 / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., Москва: Изд-во Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 58—72. [Lubskij A.V. (2011). Nauchnost' social'no-gumanitarnogo issledovaniya kak ehpistemologicheskaya problema (Scientific social-humanitarian studies as an epistemological problem) *Gumanitarnyj ezhegodnik. 10 / Отв. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D., Moscow: Izd-vo Social'no-gumanitarnye znaniya*, 58—72 (In Russ.)]
- Лунева Л.П. Проблемные аспекты культуры речи преподавателя вуза в контексте модернизации образования // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X Международной конференции по риторике / Науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин, В.Э. Морозов. М.: Флинта, 2006. С. 210—215 [Luneva L.P. (2006). Problemnyye aspekty

kul'tury rechi prepodavatelya vuza v kontekste modernizacii obrazovaniya (Problematic aspects of speech culture of a university teacher in the context of education modernization) *Ritorika i kul'tura rechi v sovremennom obshchestve i obrazovanii: sbornik materialov X Mezhdunarodnoj konferencii po ritorike / Nauch. red.-sost. V.I. Annushkin, V. E.H. Morozov*. Moscow: Flinta, pp. 210—215 (In Russ.)]

- Миронов В.В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // Язык средств массовой информации. Учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 295—315. [Mironov V.V. (2008). *Sredstva massovoj kommunikacii kak zerkalo pop-kul'tury* (Mass communication as a mirror of pop-culture) *Yazyk sredstv massovoj informacii. Uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. M.N. Volodinoj*. M.: Akademicheskij projekt; Al'ma Mater, ss. 295—315 (In Russ.)]
- Москвина Т. Мужская тетрадь: эссе, пьеса. М.: АСТ: Астрель, 2009. 380 с. [Moskvina T. (2009). *Muzhskaya tetrad': ehssе, p'esa* (Men's notebook: essays, a play). Moscow.: AST: Astrel', 2009. 380 p. (In Russ.)]
- Новиков Вл. Новый словарь модных слов. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. 192 с. [Novikov V. (2008). *Novyj slovar' modnyh slov* (New dictionary of fashionable words). Moscow: AST: Zebra E. 192 p. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 5—32 [Paducheva E.V. (1997) *Fenomen Anny Vezhbickoj* (The Phenomenon of Anna Verbitskaya) *Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow: Russkie slovari. ss. 5—32. (In Russ.)]
- Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 274 с. [Panov M.V. (1999). *Pozicionnaya morfologiya russkogo yazyka*. (Positional morphology of the Russian language). Moscow, Nauka, 1999. 274 p.
- Панченко Н.Н. Трансформации в научном дискурсе: достоверность и этика // Грани познания, 2015, № 1 (35). С. 106—110. [Panchenko N.N. (2015) *Transformacii v nauchnom diskurse: dostovernost' i ehtika* (Transformation in scientific discourse: authenticity and ethics) *Grani poznaniya*, 1 (35), 106—110 (In Russ.)]
- Понтон Д.М., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 7—25 [Ponton D.M., Larina T.V. (2016). *Discourse analysis in the 21st century: theory and practice*. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25 (In Russ.)]
- Тумайкин И.В. Риски имитационности в российской науке // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра: ежегодный сборник научных статей. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2016. С. 140—150 [Tumajkin I.V. (2016). *Riski imitacionnosti v rossijskoj nauke* (Risks of imitational in Russian science) *Filosofskie problemy: vchera, segodnya, zavtra: ezhegodnyj sbornik nauchnyh statej*. Rostov n/D: RGEU (RINH). pp. 140—150.
- Хазагеров Г.Г. Контрпродуктивные компетенции // Высшее образование в России, 2013, № 1. С. 129—134 [Khazagerov G.G. (2013). *Kontrproduktivnye kompetencii* (Counterproductive competence) *Vysshее obrazovanie v Rossii*, 1, 129—134 (In Russ.)].
- Хазагеров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как системное явление // Социологические науки. 2010. № 2. С. 5—20 [Khazagerov G.G. (2010). *Obessmyslivanie nauchnogo diskursa kak sistemnoe yavlenie* (Lack of meaning of scientific discourse as a system phenomenon) *Sociologicheskie nauki*, 2, 5—20 (In Russ.)].

- Эпштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя, 2006, № 1. С. 196—207 [Epshtejn M.N. (2006). Russkij yazyk v svete tvorcheskoj filologii razyskaniya (Russian language in the light of creative Philology of investigation) *Znamya*, 1, 196—207 (In Russ.)].
- Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., Флинта: Наука, 2007. 840 с. [Kul'tura russkoj rechi. Enciklopedicheskiy slovar'-spravochnik (2007) (Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-directory). Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 840 p.
- Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с. [Stilisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovar' (2006). Pod red. M.N. Kozhinoj. (Stylistic encyclopedic dictionary). Moscow: Flinta-Nauka. 696 p. (In Russ.)].
- Alba-Juez, L. (2016). Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 43—55.
- Alba-Juez, L. & Larina, T. (2018) Language and Emotions: Discourse Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37.
- Arévalo, C.M. (2018). Emotional Self-presentation on Whatsapp: Analysis of the Profile Status. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 144—16.
- Akimoto, Y., Sugiura, M., Yomogida, Y., Miyauchi, C.M., Miyazawa, S. & Kawashima, R. (2014). Irony comprehension: Social conceptual knowledge and emotional response. *Human Brain Mapping*, 35, 1167—1178. doi: 10.1002/hbm.22242.
- Dementyev, V.V. (2016). Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 103—121.
- Goddard, C. (2014). Interjections and Emotions (with special reference to “surprise” and “disgust”). *Emotion Review* 6 (1): 53—63.
- Hinner, M. (2017). Intercultural Misunderstandings: Causes and Solutions. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 885—909.
- Kecskes, I. (2016). A Dialogic Approach to Pragmatics. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 26—42.
- Mackenzie, J.L. (2018). Sentiment and Confidence in Financial English: a Corpus Study. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 80—93.
- Marlangeon, S.K. (2018). Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 161—174.
- Ponton, D. (2016). Movements and Meanings: towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 122—139.
- Wierzbicka, A. (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 38—53. (In Eng.)
- Yus, F. (2017). Contextual Constraints and Non-propositional Effects in WhatsApp communication. *Journal of Pragmatics*, 114, 66—86. doi: 10.1016/j.pragma. 2017.04.003.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 мая 2018
Дата принятия к печати: 10 ноября 2018

Article history:

Received: 12 May 2018
Revised: 06 July 2018
Accepted: 10 November 2018

Для цитирования:

Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 131—148. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148.

For citation:

Brusenskaya, Lyudmila A., Kulikova, Ella G. (2019). Imitation, Informational Value and Phatic Communication in the Genres of Academic Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 131—148. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148.

Сведения об авторах:

ЭЛЛА GERMANOVNA KULIKOVA — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Научные интересы — коммуникативные стратегии и тактики, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, юридическая лингвистика, лингвопрагматика

Контактная информация: e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ORCID iD 0000-0002-5305-8789

R-2961-2016

Scopus AuthorID 56511592000

eLibrary SPIN-код автора 6607-2130

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА БРУСЕНСКАЯ — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Научные интересы — лингвопрагматика, юридическая лингвистика, медиалингвистика, экологическая лингвистика

Контактная информация: e-mail: brusenskaya_1@mail.ru

ORCID 0000-0003-3044-7033

+79054508472

R- 2972-2016

Scopus AuthorID

eLibrary SPIN-код автора 4214-9385

Bionotes:

ELLA KULIKOVA, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor, Chair of Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State Economics University. Research interests include communication strategies and tactics, norm, ecological linguistics, media linguistics, legal linguistics and linguopragmatics.

Contact information: e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ORCID iD 0000-0002-5305-8789

R-2961-2016

Scopus AuthorID 56511592000

eLibrary SPIN-код автора 6607-2130

LUDMILA BRUSENSKAYA, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor, Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State Economics University. Research interests include linguopragmatics, legal linguistics, media linguistics and ecological linguistics.

Contact information: e-mail: brusenskaya_1@mail.ru

ORCID 0000-0003-3044-7033

+79054508472

R- 2972-2016

Scopus AuthorID

eLibrary SPIN-код автора 4214-9385